

Валерий КОПНИНОВ*г. Барнаул*

Есть нечто существенное, скрытое от человеческих глаз, но, несомненно, происходящее время от времени в неведомых местечках, именно для того и созданных, чтобы оставаться незримыми. Одно из таких местечек находится на другой стороне неба. Именно там любят собираться ангелы и удалённо контролировать объекты своего субъективного внимания. А проще говоря, наблюдать за своими подопечными — людьми, закреплёнными за ними Божиим провидением.

В один из обычных вечеров, венчающих совершенно рядовой день, двое простых на первый взгляд ангелов, в одеждах белых от макушки до пят, вели беседу, для стороннего взгляда похожую на дружескую. Можете не поверить, но, как бы это банально ни прозвучало, сидели они на краю облака над бездной, спокойно покачивая ногами, обутыми в золотые сандалии. И вы будете смеяться, но за спинами у ангелов действительно произрастали крылья, точно такие же, как изображают их (то есть крылья) все те художники, которым не лень рисовать ангелов. А это значит, что мы в общем-то представляем себе внешний вид ангелов достаточно верно. Только вот в повседневной жизни увидеть их не можем, потому что смотреть на них — всё равно что смотреть на солнце: слишком много света. И этот факт многое объясняет!

Ах да, извините, я сказал «белые от макушки до пят» и за этой фразой скрыл маленькую неточность. Безупречно белым можно было назвать только одного из них. Второй отличался по тону, как, например, молоко топленое от простого. И ещё: у второго некоторые пёрышки на крыльях выглядели серенькими, словно запылившимися.

Поскольку цвет — примета выразительная и запоминающаяся, не зная настоящих имён этих болтающих ногами представителей крылатой братии, предлагаю называть их Белый и Серый. Кстати, беседовали они в тот момент как раз о «запылившихся» пёрышках Серого.

— ...Я не понимаю, в чём я не прав, — сокру-

На
другой
стороне
неба

рассказ

шался Серый ангел. — Я не сделал ничего дурного... Но почему Он метит мои крылья серым, обращая на меня особое и неприязненное внимание представителей могущественного сонма. Он даже глазам моим придал цвет серой мыши, в то время как твои очи наполнил бирюзой океана!

— Тебе ещё многое предстоит понять! — отвечал Белый. — Ты совсем недавно вступил в обязанности куратора человеческой личности. В нашем служении есть свои тонкости...

— Не могу их уловить! — воскликнул Серый с чрезмерной долей беспомощности в голосе, чтобы действительно быть искренней, и, усаживаясь поудобней, задал вопрос: — Может, просветишь?

Белый намеревался ответить и даже прокашлялся, чтобы придать голосу ровную тембральную окраску, но в это время неведомо откуда раздался тонкий свист, похожий на звук закипевшего чайника.

— Одно мгновение, обожди... — тревожно проговорил Белый ангел и, свесившись вниз, вперился своим кротким, но пристальным взглядом в солидного пожилого мужчину лет примерно шестидесяти пяти — семидесяти, выходящего из дверей маленького домика на крошечную спокойную улочку.

Необходимо объяснить, что внизу, под белоснежным облаком, на котором расположились ангелы, обретался уже не первый век небольшой и тихий провинциальный городок. Там, как и положено, жили люди, а за облаками — их ангелы, хранящие и оберегающие горожан. Городок делился на некие неравные дольки: в благопристойных районах, где обитали большей частью чиновники мэрии среднего звена и университетская профессура, кураторами назначались достойные и хорошо зарекомендовавшие себя ангелы. На рабочих окраинах действовали ангелы-новички, состоящие при людях не более семисот-восьмисот лет. А в элитных районах, населённых крупными чиновниками и успешными бизнесменами, хлопотали ангелы с подмоченной репутацией, строго наказанные за крошечные проступки, даже мало-мальски порочащие их светлый образ. По своей воле с элитным контингентом сотрудничать никто не хотел.

Впрочем, в настоящий момент нас интересуют только Белый и Серый ангелы. А они в достаточном приличном квартале, доставшемся им, с одной стороны, неисповедимыми путями, а с другой — соответственно заслугам, как раз и занимались своими, если так можно выразиться, служебными обязанностями.

— О да, я предвидел это, — с укоризной и одновременно умилением произнёс Белый. — Опекаемый мой, несмотря на предостережение о дурном прогнозе погоды, запомнил о мерах предосторожности!

Пожилой человек, с момента рождения являющийся подопечным Белого ангела, шествовал по тротуару без зонта, и Белый, вытянув в его сторону тонкий и в какой-то степени аристократический указующий перст, неслышимо для человеческого уха (то есть для нашего с вами тоже) прошептал: «Ты забыл свой зонт, добрый человек, вернись в дом — найдёшь его в кладовой». И слова эти под видом невербальной информации попали прямо в правое полушарие мозга подопечного.

Мужчина, удаляющийся по улице, вдруг замедлил шаги, остановился, сморщился, словно пытаясь уловить ускользающую мысль, затем, с досадой хлопнув себя по лбу, развернулся и посеменил обратно к дому.

— За зонтом? Либо по другой надобности? — с подчёркнутым уважением спросил Серый. — Хотя что за вопрос?.. Высший класс, да и только!

— У него слабые лёгкие, — уклоняясь от комплимента, ответил Белый ангел, — простудиться ему смерти подобно...

Несколько минут ангелы молчали. Белый — пребывая в блаженстве от благого дела, многократно усиленного радостью за подопечного, проследовавшего внизу по тем же своим делам, но уже с огромным пиковидным зонтом под мышкой, с которым ему не только непогода была не страшна, но и атака небольшого отряда лёгкой кавалерии. А Серый — наблюдая с образцовой улыбкой за блаженством Белого. Не многие, надо признаться, умеют соорудить подобную улыбку, а из тех, кому это под силу, только единицы способны удержать её на своих губах так долго. А Серый владел этим искусством профессионально, и немного позднее мы узнаем почему. Да вот прямо сейчас и узнаем.

— Ты ведь недавно с нами? — потеряв подопечного из виду (только зрительно, но мысленно продолжая вести его), задал вопрос Белый. — Поведай, чем занимался ты до явления в нашу сферу?

— Чем занимался? — скривив губы, переспросил Серый. — В двух словах не изложишь, но если упростить — исполнял обязанности помощника адвоката на Страшном суде.

— Адвоката? — скинул льняные брови Белый ангел. — И есть ли в этом смысл?

— Не поверишь, но на Суде не все раскаиваются. Многие упираются до последней возможности, уповая на обман и хитрость. Ну а требуют при этом, конечно, справедливости и снисхождения. Я там такого насмотрелся... Устал... Больше всего от адвокатской этики. Всем нужно улыбаться, хочешь не хочешь... Написал прощение, отправил по инстанциям, ну и потом ещё двести лет дожидался, пока Он благословит. Думал, в земной опеке будет спокойнее... Куда там! Я уже счёт своим серым перьям потерял! Он...

— Не называй Владыку просто Он, — с упрёком сказал Белый. — Так ты умаляешь своё достоинство, но не достоинство Владыки. И думай больше о тёмной сути своих поступков, о которых милостиво подсказывает Владыка.

— А почему бы не отчитать меня открыто: так, мол, и так?! Не делай того, не позволяй этого...

— Ты же знаешь, Владыка ни за кого не делает его духовную работу. Каждый должен постигать себя сам и лепить себя сам из того, что Владыка создал. Будь то человек, будь то ангел. Владыка ставит перед выбором. Вразумляет и вдохновляет тех, кто жаждет разума и открыт для творчества.

— А я, — возмутился Серый ангел, — разве не ставлю человека перед выбором?

— Нет, — спокойно отвечал ему Белый, — не думаю... И если бы ты не был ангелом, я дерзнул бы предположить, что ты искушаешь людей.

— Людям нравится, когда их искушают, — возразил Серый. — Это для них почти что алиби, выражаясь корявым языком судебного делопроизводства. Вроде как бы грешил, но не по своей воле. Нечистый попутал... Чёрт под руку толкнул... Что там ещё? А вот: седина в бороду — бес в ребро!

— Тщетны усилия их, — в недоумении развёл руками Белый ангел, — ибо гореть им в аду неминуемо... Суд Владыки суров, но справедлив.

— Один на своём процессе, кстати, кричал: «А судьбы кто?!» Смехота. Там тоже тонкости... Гореть-то гореть, но пока всех свидетелей грехов опросят, пока всех пострадавших выслушают, иногда годы проходят. А подсудимый на это время между небом и землёй застревает — всё лучше, чем в преисподней.

Белый пристально посмотрел на Серого, но ничего не сказал, а только укоризненно покачал головой. Затем, оценив положение солнца на горизонте, Белый ангел вынул из холщовой сумки, висящей у него на плече, соты, истекающие цветочным мёдом, и, преломив их, одну половину протянул Серому ангелу, а второй принялся лакомиться сам.

Помимо нектара и амброзии, ангелам, входящим в неосязаемый контакт с людьми, полагался мёд, и причём самый лучший... В виде исключения.

Тепло, изначально заключённое в мёде, являющееся отражением вдохновенного труда сотен пчёл, лёгкой парящей волной снизошло на часть раскинувшегося внизу городка и оказало некоторое влияние на имеющуюся там действительность. Во-первых, аппетитно подрумянило сахарную вату, за которой сразу же выстроилась очередь из детей, пришедших с родителями в парк аттракционов. Во-вторых, согрело кутающихся в одеяла обитателей дома престарелых, вывезенных нянечками в креслах-каталках на широкое крыльцо главного корпуса. А в-третьих, придало особую сердечность поцелую, скрепляющему брак между молодыми влюблёнными.

Хотя для посвящённых в сакральные тайны очевидно, что подобная утечка являлась явным нарушением и могла аукнуться ангелам обоснованным порицанием. Потому что дополнительное благоденствие не могло являться нормой, обесценивая саму суть благоденствия, и не должно было использоваться ангелами самостоятельно, без особого на то благоволения. Как говорится, ничего личного.

Аромат разнотравья земных лугов незримым облаком повис над облаком зримым, служащим временным пристанищем ангелам.

Безграничное ангельское воображение легко могло разложить этот сладкий запах на многие составляющие. На утреннее солнце, отразившееся в капле росы, сбегаящей по стеблю, на вязкую пыльцу, прилипающую к лапкам и хоботку работающей пчелы, на пёстрые головки цветов, послушно склоняющихся под ветром, тянущим прохладу с ущелья...

Но ангелы были заняты исключительно пропитанием и воображение своё не использовали.

Белый вкушал мёд легко и нежно, почти не касаясь пальцами податливых к теплу и нажиму сот. Он губами отдавливал небольшой кусочек и позволял мёду таять во рту и там же впитываться в ангельские дёсны.

Серый кусал, жевал и даже слегка чавкал. Когда уделённые ему соты закончились, он смачно облизал пальцы и снял языком медовые остатки с губ.

Белый ангел поднял правую длань, слегка качнул ею, и они оба хором произнесли: «Спасибо Владыке за посланную нам пищу!»

— Вот он — рай! — сразу, без паузы, заговорил Белый. — И как может человек вести жизнь несправедливую и лишиться доступа к вечному блаженству?!

— И у людей тоже свои тонкости, — осторожно произнёс Серый. — Некоторые несут такую ересь, что и передать невозможно...

— Можешь говорить, — сверкнув великолепными зубами, отозвался Белый. — Я не доносчик!

— Некоторые, ну, самые отпетые, — склонившись к уху Белого, зашептал Серый, — говорят: «Я на земле вкусил такое блаженство, что для меня ваш рай — просто детский лепет». И архангелам под ноги плюют...

— Не ведают, что творят...

— А мне сдаётся, что ведают... Один подобный умирал, и к нему позвали священника грехи отпускать... Священник спрашивает: «Что хочешь перед смертью совершить?» А тот недолго думая отвечает: «Куриль хоч!» Батюшка рукой махнул и ушёл, а тот затаился единожды и помер счастливым... Так с зажжённой сигаретой и доставили на небеса. Забавно...

Белый ангел снова промолчал, опять же показав головой в знак своего несогласия.

А в глазах у Серого пробежала озорная искра, мягкий цвет мышины шёрстки сменился блеском остывшего свинца, и ангел, резко ударив крыльями, слегка вознёсся над облаком, затем опустился на ноги и в решительной задумчивости принялся бродить за спиной у Белого, утопая по щиколотку в податливой туманной поверхности. И вдруг жестом фокусника демонстративно извлёк из пустоты зажжённую сигарету и, встав на краю облачной пелены, принялся курить, глубоко затягиваясь и стряхивая пепел вниз.

Люди, находящиеся в радиусе падающего пепла, превращающегося на лету в свинцовые капли дождя, ощутили сильный дискомфорт и пронизывающий до костей холод. Они по сильнее натянули на головы кепки и шляпки, приподняли воротники и поспешили укрыться от неожиданной напасти, сделавшей скромный уют улиц серым и унылым.

Сверху хорошо было видно, как подопечный Белого ангела торопится к дому, едва удерживая в нетвёрдых руках огромный зонт, выворачиваемый ветром на левую сторону. К тому моменту, когда человек всё-таки добрался до своего порога, зонт его уже был безнадежно сломан, а одежда насквозь промокла.

— Ну вот! — с досадой высказался Белый ангел, заметив, что прилизанные волосы Серого медленно приобретают пепельный оттенок. — Извергая дым из себя, ты уподобляешься нечистому... хоть и не духом своим, но в жестах...

— Я устал... Я имею право на отдых, — огрызнулся Серый, — имею право на слабости! Почему я должен делать хорошее для людей и не должен делать хорошего для себя? Ведь Он говорит, что Его мир справедлив!

— Не говори о Владыке безлично... И потуши сигарету. Для тебя здесь — это баловство, а для людей там — это страх от неизвестного... Узнай о твоём поведении Владыка...

— А ты доложи ему... Может, он в благодарность сделает тебя ещё краше... Может, он завьёт твои белые волосы крупными кольцами! Может, он...

— Сказал и повторяю ещё раз: я не доносчик! — с трудно давшейся ему улыбкой ответил Белый ангел. — К тому же, ты знаешь, Владыке не нужны слова, он ведаёт всё.

— Тогда я сейчас совершу такое, что сделает меня белым, как ты! Смотри, вот человек, которого уже три месяца я опекаю...

Серый опустил на колени и простёр руки к земле, пронзая невидимой энергией пространство от облака, где он находился, до города под ним и к вышедшему из многоэтажного дома человеку.

Это был худощавый мужчина средних лет, с ранней прядкой седых волос у левого виска. Сгорбившись от горя, словно от непосильной ноши, он шёл по улице, и похоже было, что его путь не имеет цели.

Обоим ангелам легко читалась человеческая печаль, в сути которой лежала необходимость в большой сумме денег на операцию для больной матери. И не менее очевидным являлось то, что подобные средства человек просто не мог изыскать. Его достаток был таков, что позволял ему худо-бедно прокормиться, и только.

— Осторожнее, — предостерег Белый, — ты можешь навредить ему...

— Навредить? — ехидно спросил Серый. — Разве ему можно навредить? Почему мой предшественник не излечил его мать?

— Так устроена жизнь земная — люди старятся, болеют и умирают. Поэтому ангел-хранитель, до тебя опекающий...

— ...пустил всё на самотёк, — захрипел от напряжения Серый ангел. — А я сейчас помогу. Вот навстречу ему идёт подгулявший толстяк... через минуту он выронит кошелёк, и бедняга сможет забрать его для своей матери...

Пьяненький толстячок, бормоча себе под нос весёлую глупую песенку, спотыкаясь и покачиваясь от выпитого вина, вышел из трактира и, поравнявшись с печальным человеком, действительно выронил туго набитый кошель. Ничего не заметив, он продолжил свой путь, оставаясь в безмятежном состоянии духа. Печальный человек поднял кошелёк и, повернувшись к толстяку, собрался окликнуть его. Он даже набрал воздух в лёгкие, открыл рот, но по волевому решению Серого ангела остановился в последний момент.

— Молчи! — зашипел Серый. — Бери и уходи — это теперь твой кошелёк...

— Он не должен брать чужие деньги, — попытался вмешаться Белый, — прекрати искушать беднягу...

— Но ведь они нужны ему на благое дело! — завопил Серый во весь голос. — Неужели ты не понимаешь... Иначе мать его умрёт... А у толстяка полно денег, и он погорюет об утрате не больше пяти минут... Всем будет хорошо! И этому печальному, и его матери, и даже тому, толстому... И я буду на уровне небесных высот как творящий добро!

— Не делай этого, — попросил Белый, — не решай за него... Владыка запрещает так поступать...

— И это Он называет справедливостью? Цель всегда оправдывает средства! Я хочу, чтобы бедняга взял эти деньги и вылечил свою мать! И он возьмёт эти деньги! Эй ты-ы, бери и уходи-и-и!

Печальный человек, немного поколебавшись, взвесил в руке кошелёк и поспешил обратно к своему дому, всё сильнее ускоряя шаг и всё явственнее распрямляя спину.

Белый ангел взмахнул крылами и встал на ноги на самом краю облака, далее истончающегося в бирюзу небесного океана.

— Нет! — твёрдо сказал Белый. — Пусть он сам решит так, как ему подскажет совесть!

— Не лезь! — закричал Серый. — Это мой подопечный!..

Но вмешательство его запоздало. Печальный человек, словно услышав спор на небесах, споткнулся на ровном месте, остановился, потоптался, избавляясь от внутренних сомнений, и, развернувшись, отправился туда, где он поднял кошелёк с деньгами. Навстречу ему негвёрдыми шагами брёл толстяк, обнаруживший пропажу. Они сошлись, и печальный человек протянул растеряхе его личность. Толстяк схватил кошель, оттолкнул печального человека и, важно вышагивая на пухлых ножках, отправился восвояси.

— Убогий, что ты наделал! — закричал Серый ангел. — Я не потерплю!..

И Серый, набросившись на Белого, сильно ударил его кулаком по лицу. Белый пошатнулся и сел на мягкую облачную поверхность. У него из носа, словно яркая тропическая гусеница, выползла тоненькая струйка крови, спустилась по подбородку и мелкими рубиновыми капельками принялась сочиться на безупречно белые одежды. Капельки крови на долю секунды оставляли свой след на робе Белого ангела и затем

медленно растворялись в девственной белизне, как звёзды растворяются в утреннем тумане.

Серый ангел, тяжело дыша, отвернулся и зашагал на другой конец облака, не видя, как с его вздымающихся от бешенства крыльев густо облетают дымчатого цвета перья. Дойдя до края, Серый посмотрел вниз.

Пронизывая собой облако, его перья сыпались на город серым градом, мелким и хлётким, с градинами величиной с гороховое зерно. Заплакали дети, гуляющие с родителями в парке аттракционов, и, побросав на дорожки недоодевшую сахарную вату, запросились домой. Обитатели дома престарелых начали чихать и кашлять, а нянечки, измерив у них температуру, обнаружили, что все простужены. И только молодым влюблённым град не испортил настроение. Разгорячённые чувством, они обратили к небу свои пылающие щёки, пытаясь холодом нечаянных осадков немного остудить жар, сжигающий их изнутри.

А ещё там, на земле, к своему дому, уткнувшись взглядом под ноги, брёл человек, вновь согбенный от бессилия перед своим горем. Он был готов отдать жизнь ради спасения больной матери, но не смог сделать даже малости. Несколько минут назад он держал в своих руках верный шанс и... упустил его.

— Сейчас, сейчас... — сам с собой заговорил Серый. — Сейчас мы расставим всё по местам и назовём это справедливостью!

Он, растопырив ладони, обхватил ими пространство, словно лепил огромный снежок, постепенно уменьшая его в размерах. Когда невидимый снежок стал величиной с небольшое яблоко, Серый дунул в ладошки и швырнул то, что он слепил, в подопечного.

Через несколько мгновений заряд Серого ангела достиг земли и угодил точнёхонько в сердце печального человека. Тот вздрогнул, как от удара током, и рухнул на колени, по инерции сделав в таком положении несколько шагов. Затем человек встал, развернулся и, преодолевая сопротивление, словно шагая против сильного ветра, пошёл обратно. Постепенно глаза его зажглись огнём, ладони сжались в кулаки, сведённые в судороге зубы закрипели, сдирая от трения эмаль, и печальный человек ринулся догонять богатого

кутилу, уносящего свой вновь обрётённый кошелёк.

Догнав весёленького богача, печальный человек сбился с шага и почти остановился, но неведомая сила овладела его телом, и он, схватив толстяка за отвороты рубашки, потребовал отдать ему кошелёк. Крупный и рослый богатей, вначале ухмылявшийся на притязания тщедушного противника, начал трезветь и из осторожности сделал несколько шагов назад. Печальный в борьбе за кошелёк последовал за ним и попытался сомкнуть руки на горле богача, но не смог обвить пальцами его толстую шею. Толстяк опешил и, всерьёз почувствовав угрозу, машинально упёрся ладонью в подбородок печального, понемногу оттесняя его от себя.

— У тебя нож! Держи! — крикнул Серый, и в руке печального сверкнуло опасное лезвие.

Увидев это, Белый ангел собрал остаток силы духа и преклонил колени перед Серым.

— Останови его, — взмолился Белый. — Я добьюсь разрешения на чудо! Я излечу его мать!

— Поздно! — расхохотался Серый. — Встань, не унижайся! Теперь его никто не остановит...

Столкновение на земле продолжалось. Толстяк, увидев нож, испугался не на шутку и попытался убежать, а печальный человек, держа его за ворот, уже заносил для удара обоюдоострый стальной клинок. Толстяк завизжал, как поросёнок на бойне, в зверином предчувствии надвигающейся смерти, рванулся, оставив в руке напавшего ворот своей рубахи, но не побежал, а упав на колени, начал срывать с себя золотые цепочки, кольца, вытаскивать из кармана дорогие вещи: часы, портсигар, бросая всё имеющееся при себе богатство к ногам печального человека, умоляя не лишать его жизни.

Печальный человек, словно нуждаясь в одобрении своих намерений, обратил вопрошающий взгляд свой в небеса, но в лицо ему сверху только сеяло мелким градом. И вдруг человеку показалось, что там, на облаке, он как в зеркале разглядел две фигуры: одну на коленях, а другую — с занесённой для удара рукой. И было в этих фигурах нечто поразившее печального. Поразившее, как молния поражает одинокое дерево в поле — в одно мгновение! Печальный человек увидел на спинах vzdорящих меж собой небесных супротивников

крылья. Точно такие же, какие видел он у ангелов, нарисованных на фресках в храме. Оттого горькая тяжесть разлилась в его сердце. И тогда человек задрожал всем телом и, превозмогая себя, в последнем усилии отшвырнул нож так далеко, как только смог. А затем развернулся и, перешагнув через разбросанное добро, пошёл прочь, устало наклонив теперь уже совсем поседевшую голову.

Не видя этого, но чувствуя происшедшее своим естеством, Белый и Серый ангелы стояли лицом к лицу, словно пытаясь испепелить друг друга глазами. Первым не выдержал противостояния Белый.

— Спасибо тебе, — тихо произнёс он, пряча взгляд и отходя в сторону. — Ты сделал всё правильно.

— Не благодари меня, — бросил Серый ангел в спину Белому. — Не за что... Человек принял решение сам...

На том всё и закончилось.

После этих событий ангелы — Белый и Серый — какое-то время не общались между собой. Два или три года. По ангельским меркам выходит, что недолго. А потом опять помирились. Случилось примирение на похоронах матери печального человека, от которой болезнь чудесным образом отступила на определённый срок, давая возможность матери побыть с сыном. В виде исключения...

Когда случилась эта история — я не знаю. Но сведения у меня самые достоверные.

Есть такие люди на земле, умеющие не только с особенным вниманием рассматривать плывущие с юга на север или с запада на восток облака, но способные, задрав голову ввысь, увидеть интереснейшие события. Там, на другой стороне неба, ежечасно и даже ежеминутно происходит много значимого, гораздо более важного, чем изложенное выше повествование о печальном человеке и его больной матери. Порой решаются судьбы целых народов. А иногда (ну надо же!) ломаются копыта за такую мелочь как результат футбольного матча между «Спартак» и «Динамо».

Не верите? А вы поспрашивайте у тех, кто умеет видеть за облаками нечто существенное, скрытое от человеческих глаз... От глаз, опущенных в землю. Вы будете смеяться или искренне удивитесь, но они (назовём их «умеющие видеть не так, как мы») живут где-то рядом с вами.

Или сами попробуйте сделать небеса открытыми. Возможно, это поможет понять, какие поступки, совершаемые нами, являются отражением чужой воли, а какие — идут от собственного разума и души...

□

Валерий Павлович КОПНИНОВ

родился в 1963 году в Барнауле.

По образованию — театральный режиссёр.

Окончил Российскую академию театрального искусства (ГИТИС).

Член Союза театральных деятелей.

В настоящее время — режиссёр телевидения.

Автор сборника рассказов «Сукины дети».

Публиковался в журналах «Фантастическая среда», «Север»,

«Сибирские огни», «Бийский вестник».

Лауреат Всероссийского молодёжного театрального фестиваля

им. В.С. Золотухина в конкурсе драматургов

«Авторская сцена Алтай».

